

УНИКАЛЬНОСТЬ ЯПОНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Гайдукова Елизавета Вадимовна,
студентка первого курса,
направления подготовки:
«Перевод и переводоведение»,
ВИ–ШРМИ ДВФУ

У всех народов в независимости от условий обитания и других особенностей в большинстве своем представления о мире тесно связаны с их языками. «Нередко считается, что язык – лишь оболочка, в которую заключаются те или иные мысли и идеи...» [1, С. 7]. Известный лингвист, доктор филологических наук, академик РАН Владимир Михайлович Алпатов в своем исследовании приводит слова о языке немецкого филолога, философа и языковеда Вильгельма фон Гумбольдта, написанные им почти два столетия назад: «Язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [1, С. 7]. Как пишет В.М. Алпатов, «...первостепенным компонентом культуры каждого народа

является языковая культура, в которую входят использование языка в тех или иных сферах жизни теми или иными людьми, особенности воззрений на язык, языковые картины мира и др.» [1, С. 7]. Изучение японской языковой картины мира актуально, потому что в результате многовекового периода географической и социальной изоляции японцам, как считает Алпатов В.М., удалось сформировать характерную для них систему взглядов и убеждений, значительно отличающуюся от соседних стран.

Японская языковая картина формируется из множества факторов, но в данной работе акцентировано внимание на двух наиболее значительных и обширных элементах, выделяемых учеными: противопоставлении «свой – чужой» и особенностях языка, связанных с природными условиями. Тему работы помогает раскрыть литература фонда редких изданий НБ ДВФУ и мемориальной книжной коллекции доктора исторических наук, японоведа, профессора В.В. Совастеева.

Противопоставление «свой — чужой»

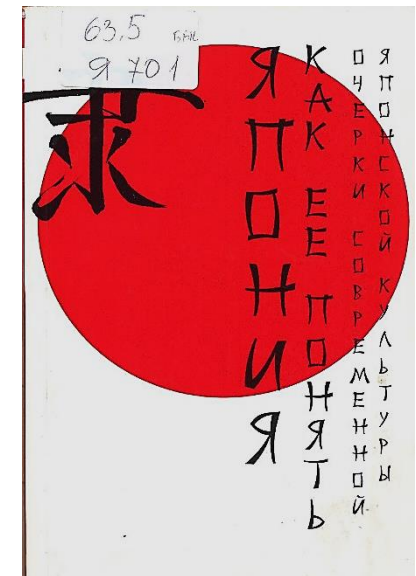
По мнению В.М. Алпатова, «В японском языке постоянно употребляются слова (существительные – ваго) *uchi* ‘пространство внутри; внутри’ и *soto* ‘пространство вне; вне’. Много и сложных слов – канго с соответствующими корнями *nai* и *gai* (уже упоминалось слово *gaijin*, именующее иностранца). Они обозначают важнейшее для японской языковой культуры противопоставление, которое может быть обозначено как «свой — чужой» [1, С. 79]. В.М. Алпатов приводит утверждение одной из японских исследовательниц языковой культуры о противопоставлении ути–сото, что это – «основное понятие, которое формирует японское общество» [1, С. 79].

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

«Японцы обычно называют иностранцев *гайдзин* (человек извне), независимо от того, как долго те живут в Японии и насколько хорошо владеют японским языком. Некоторые мужья в обращении к женам говорят *ути-но моно* (внутренний [мой] человек)», что не относится к семье – это «*сото-но хито* (люди, находящиеся снаружи)» [6, С. 261]. Авторы книги «Япония. Как ее понять: очерки современной японской культуры» повествуют, что основой для складывания концепции «*ути то сото*» послужила японская «система *изэ*», где *изэ* обозначает «дом» (клан, семью). «Система домашнего уклада строилась на моральных нормах, разработанных еще в период Токугава, и была позднее укреплена правительством эпохи Мэйдзи» [6, С. 262]. По системе *изэ* семейные отношения были патриархальными и авторитарными, а также внутри клана строго соблюдалась иерархия. Абсолютная власть была только у главы дома. Именно он определял, чем будет заниматься каждый член семьи. Решения хозяина никогда не обсуждались и требовали беспрекословного подчинения. К тому же, «Глава дома всегда рассчитывал на привилегированное отношение, и его обычно обслуживали другие члены семьи» [6, С. 157]. Так в книге Роджера Дэвиса и Осаму Икэно «Япония. Как ее понять: очерки современной японской культуры» приводится такой пример: «...его еда должна была быть сытнее, его должны были всегда приветствовать, когда он приходил домой, и его место за столом всегда было выше, чем у остальных членов семьи» [6, С. 157]. Также хозяин дома был ответственным за домашнее хозяйство и доходы от него, поэтому именно он оплачивал труд всех остальных родственников. Как поясняли исследователи, «Преимственность (непрерывность) семейного клана была чрезвычайно важна в системе *изэ*», поэтому, как только у старшего сына появлялась жена, он приводил ее в дом отца и матери и учился вести семейные дела. Постепенно традиция следить именно таким образом за хозяйством стала передаваться по наследству из поколения в поколение. Несмотря на то, что «с

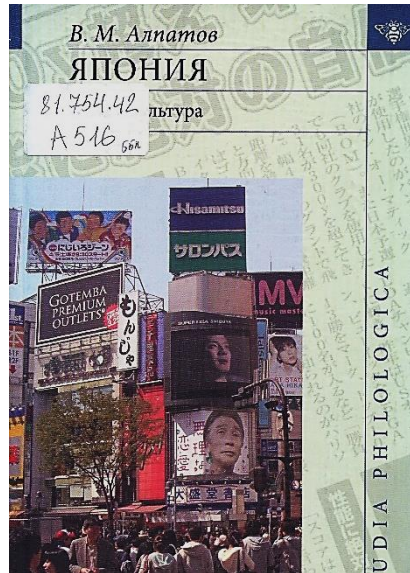
мнением отдельных членов семьи в системе *изэ* не считались» [6, С. 262] каждый чувствовал принадлежность к своему роду, благодаря чему вырабатывалось и укреплялось чувство сплоченности [6, С. 262]. «Японцев с самого детства приучали к этой системе и пониманию своего места в жесткой иерархии *изэ*» [6, С. 157]. «Поэтому в современных японских семьях все еще сильно чувство сплоченности и делается четкое различие между членами семьи и всеми остальными», – отмечают Роджер Дэвис и Осаму Икэно [6, С. 262]. То есть, «система *изэ* послужила фундаментом для создания дуалистической концепции *ути/сото*» [6, С. 261]. Авторы поясняют, что в наше время в широком смысле понятие «*ути*» обычно включает в себя членов семьи, вторую половинку и узкий круг друзей. Однако подобное деление не строгое, и «Для большинства японцев границы между группами находятся в состоянии постоянного движения в зависимости от ситуации. Группы могут ограничиваться одним домом, школой, сообществом, и простираются до самых дальних границ всей нации» [6, С. 263], поэтому в течение жизни они оказываются в совершенно различных «*ути*» и «*сото*». В.М. Алпатов поясняет «В самом общем виде можно сказать, что для любого говорящего и собеседника, и все лица, упоминаемые в его речи, должны обязательно оцениваться с точки зрения принадлежности или непринадлежности к одной и той же с ним группе» [1, С. 79].

Далее Алпатов В.М. уточняет, что для японцев «Понятия «своего» и «чужого» не абсолютны, а относительны...Каждый

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

человек может для того же самого человека быть «своим» в одной ситуации и «чужим» в другой. Предельный случай – отношение к всегда «чужому» иностранцу, при котором «своим» будет считаться любой соотечественник» [1, С. 79].

Так как все японское общество обязательно делится на «uchi» и «soto», для страны характерно наличие особых языков для «своих и чужих». В книге «Япония: язык и культура» В.М. Алпатов приводит пример, где в отношении к иностранцу, так как он всегда чужой, необходимо обращаться на английском языке (хотя многие иностранцы довольно хорошо владеют японским). Однако, если говорить об отношениях внутри страны, тогда языком для «чужих» будет считаться

японский литературный язык, а языками для «своих» – диалекты, потому что официальность первого языка не подходит для повседневной речи из-за обилия длинных грамматических конструкций и деловой лексики. Как следствие, возникала необходимость создавать особые «языки для своих», которые были просты в употреблении и показывали доверие к собеседнику. Несмотря на то, что «в первой половине XX в., когда шло распространение в массах литературного языка, диалекты пытались искоренить, в школе старались от них отучить. Но в послевоенное время от этого отказались» [1, С. 86], потому что наличие «своего» языка упрощало коммуникацию и наглядно показывало общественное деление. «По-прежнему диалект в Японии служит «семейным средством коммуникации» [1, С. 86].

«И к любому хорошо знакомому человеку, если он воспринимается как «свой», можно обратиться на диалекте. А вот с иностранцем говорить на нем неудобно» [1, С. 86].

Таким образом, по мнению В.М. Алпатова, для любого японца собеседник, и все лица, упоминаемые в его речи, должны обязательно оцениваться с точки зрения принадлежности или непринадлежности к одной и той же с ним группе, потому что от этого будут зависеть грамматические конструкции и подбор лексем во время разговора. Не всегда слова или глагольные формы будут уместны в той или иной речевой ситуации. Ученый обращает внимание, что влияния понятия «учи то сото» на формирование лексики, являются термины, связанные с семьей и семейными отношениями – «...для обозначения близких родственников постоянны различия слов для внутрисемейного общения и в разговоре с посторонними. В семье отца называют *otoosan*, мать — *okaasan*, старшего брата — *niisan*, старшую сестру — *neesan*, а в общении вне семьи их же соответственно — *chichi*, *haha*, *ani*, *ane*.» [1, С. 82]. Также влияние «учи то сото» можно заметить в формах приветствий и прощаний. Так, В.М. Алпатов приводит пример японских лингвистов Акасу Каору и Асао Кодзио о том, что «стандартное приветствие *konnichiwa* широко употребляется, но лишь к «чужим» в данной ситуации (например, при возвращении домой членам семьи говорят не *konnichiwa*, а *tadaima*). В японском кинофильме по сюжету отец ушел из семьи и спустя много лет вернулся, подросший сын говорит ему *konnichiwa*, чем подчеркивается его отношение к отцу, как к чужому человеку... В английском приветствии такое значение передать нельзя: там даже незнакомому можно сказать Hello!» [1, С. 81–82]. Чтобы показать, как отражаются понятия «свой» и «чужой» в грамматических конструкциях, В.М. Алпатов приводит пример в книге «Япония. Язык и культура»: «глагол *sashiageru* ‘давать’, обозначает это действие, прежде всего, в том случае, когда что-то передается от множества людей, в которое входит говорящий,

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

к множеству людей, в которое он не входит... В зависимости от контекста этот глагол может значить: я даю Вам, я даю вам, я даю ему, я даю ей, я даю им, мы даем Вам, мы даем вам, мы даем ему, мы даем ей, мы даем им (скажем, котят). То же значение передается глаголами *agerú* и *yaru*, а противоположное значение передачи в сторону говорящего – глаголами *kudasaru* (с вежливостью) и *kureru* (без вежливости) ... Но всегда того, кто дает, говорящий считает в большей степени «своим», чем того, кому дают, действие так или иначе направлено от «своего» к «чужому». То же относится и к *agerú* и *yaru*, а в случае *kudasaru* и *kureru*, наоборот, более «свой» тот, кому дают» [1, С. 80].

В.М. Алпатов также уточняет, что противопоставление «свой – чужой» почти всегда связано с формами вежливости японского языка. В этой системе на противопоставление «свой – чужой» накладывается еще одно важнейшее для японского общества иерархическое противопоставление «высший – равный – низший» [1, С. 81]. Во время разговора с кем-либо из «внешней» группы важно возвышать собеседника и принижать себя. Это передаётся с помощью японской вежливой речи (*кэйго*), которая зависит от многих параметров: социального положения, возраста, пола и др. Однако важно и рассмотрение с точки зрения параметра «свой – чужой». «При приеме посетителя сотрудник фирмы не должен употреблять вежливые формы, включая показатель *-san* при фамилии, по отношению к своему начальнику (даже если он по социальному' рангу выше посетителя): начальник в данный момент «свой», а посетитель «чужой», и именно к «чужому» надо проявлять этикет. В таких случаях противопоставление «свой – чужой» определяет иерархические отношения» [1, С. 82].

Идея «учи то сото» также относится и к другому важному японскому обычаю – «хоннэ» и «татэмаэ». Когда вы в вашей группе («учи»), вы можете выражать искренние намерения, действительные («хоннэ»), но, когда вы с незнакомцами, иностранцами («сото»), вы ведёте себя более почтительно и

избегаете говорить вещи напрямую, неискренне высказываетесь («татэмаэ») [6, С.278].

В книге «Япония – правда и вымыслы» Александр Драгункин и Кирилл Котков отмечают: «Японец вежлив в двух случаях: 1. Когда он имеет дело с незнакомцем (и не знает его социального положения); 2. Когда он общается с членами своей группы» [3, С. 99].

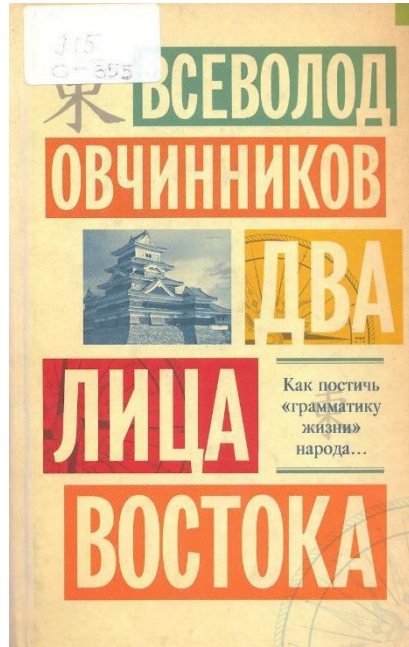
Климат, время года и рельеф

В монографии «Япония: язык и культура» В.М. Алпатов обращает внимание на еще одну особенность японского языка – «Часто особенности языковых картин мира находят... в так называемой безэквивалентной лексике, которую невозможно перевести на другие языки или можно без ущерба для смысла передать лишь длинными описательными выражениями» [1, С. 68]. «И очень большой процент такой лексики, так или иначе, связан либо с природой, либо с традиционным хозяйственным укладом, также имеющим постоянные отношения с природой... длительная жизнь на одной и той же территории, природа которой за это время мало менялась, не могла не отразиться в языке» [1, С. 68].

Востоковед, специалист по Японии Всеволод Владимирович Овчинников отмечал взаимосвязь языковой картины мира с географическим положением. Япония, «это страна зеленых гор и морских заливов; страна живописнейших панорам» [4, С. 28]; островное государство, покрытое возвышенностями, низкими и средневысотными горами и со всех сторон омываемое морями и океанами. «Пусть природа Японии порой жестока к людям. Пусть она скупа. Но достаточно побывать на этих островах, чтобы понять, почему их жители обожествляют родную природу» [5, С. 234]. По мнению В.В. Овчинникова, развитие японского языка происходило под постоянным влиянием природных условий. Влажный климат, гористая местность, частые изменения погоды, обилие осадков и

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

водных ресурсов требовали развития лексики, которая бы отражала все природные особенности и могла достоверно их передать. «Сочетание муссонных ветров, теплого морского

течения и субтропических широт сделало Японию страной своеобразнейшего климата, где весна, лето, осень и зима очерчены чрезвычайно четко и сменяют друг друга на редкость пунктуально» [4, С. 29]. В.М. Алпатов приводит слова известного японского ученого Киндайти Кёсукэ, что «в японском языке богата лексика, связанная с погодой, с сезонами года, весьма дифференцированы названия рельефа и морских просторов» [1, С. 70]. «Каждый месяц традиционного японского календаря делится на две части и получается 24 слова для

обозначения сезонов. Например, период с 6 по 19 января именуется *skookan* ‘сезон вторых по суровости холодов’, период с 20 января по 3 февраля — *daikan* ‘сезон самых суровых холодов’, период с 6 по 20 мая — *rikka* ‘начало лета» [1, С. 70]. Дж. Дэвис Роджер и Осаму Икэно считали, что дать названия сезонам было необходимо для того, чтобы наиболее точно отразить природные изменения в течение года: показать, как земля просыпается, цветет, плодоносит, а потом снова погружается в сон. Такое деление не только помогало в ведении хозяйства, но и приносило эстетическое удовольствие японцам, позволяя прочувствовать красоту и уникальность природы во всех ее проявлениях. «И сегодня сохраняется особое отношение японцев к временам года, что оказало большое влияние на

японскую литературу. Особенно это относится к жанру *хайку*... Когда поэты сочиняют *хайку*, они часто прибегают к *киго* — специальным словам, описывающим времена года, таким как *катёфугэцу* (собираемый термин, означающий «цветы, птицы, ветер и луна»). Например, *угуису* (соловей) поет весной, *асагао* (утренние ипомеи, выюнки) расцветают летом, а полная луна наиболее красива осенью» [6, С. 169].

«Пристальный интерес к временам года оказал огромное влияние на весь образ жизни японцев» [6, С. 166]. Например, из-за того, что подход к временам года у японцев был более дифференцированным, чем у европейских стран возникла традиция церемониальных письменных текстов (поздравлений, соболезнований и т. д.), один из развитых жанров которых называется «сезонными приветствиями» (*jikoonoaisatsu*)» [1, С. 70]. Каждый сезон имеет определенные «сезонные слова» или «сезонные выражения». Это обороты вежливости, которые используются в официальной переписке на каждый месяц. Если сезон связывается с неприятной погодой, посылаются стандартные выражения сочувствия. «Письма такого рода имеют в зависимости от сезона специальные именованья: «*kanchuu-mimai* — ‘письмо сочувствия в связи с наступлением сезона холодов’, *shochuu-mimai* — ‘письмо сочувствия в связи с наступлением сезона жары’ и т. д. При этом не обязательно, например, в случае *shochuu-mimai* собеседник на самом деле страдает от жары: таков ритуал в связи с календарем. В европейских культурах нет ничего подобного» [1, С. 70]. «...многие издаваемые в Японии брошюры предлагают «сборники фраз», подходящих для подобных случаев» [6, С. 167].

Алпатов В.М. отмечает, что «в языке много слов с первыми компонентами *haru*-или *shun*- весна’, *natsu*-или *ka*-‘лето’ и др., вроде *harukaze* ‘весенний ветер’, а также любых слов сезонного характера вроде *kogarashi* ‘холодный влажный зимний ветер’, *hanakaze* ‘весенний (буквально: цветочный) ветер’, *nowahi* ‘холодный осенний ветер’» [1, С. 70].

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

По мнению Таити Сакаия, «другим важным фактором, имеющим чрезвычайно большое значение <...> является отделение Японии от материка не столь уж малой водной преградой» [7, С. 96]. Долгие тысячелетия водная стихия оказывала влияние на мировоззрение, экономику, традиции, литературу и, конечно, язык страны. Так как «Япония – это страна, где постоянно дает о себе знать необузданность стихийных сил, но где на каждом шагу видишь следы упорного человеческого труда» [5, С. 215], то и в языке существует очень «много слов, связанных с водой (морской, речной, дождевой) и влагой» [1, С. 71]. Некоторым словам в этой области часто трудно найти аналог в русском или английском языке, так как они являются исключительно культурной особенностью японцев. Так, «слова *oki* и *nada* переводятся как ‘открытое море’, но это не синонимы: *nada* всегда бурное море, а *oki* может быть бурным и спокойным» [1, С. 71], что часто вызывает недоумение у иностранцев. Также в японском языке «нет слова, которое бы значило ‘вода вообще’, а есть особые слова для горячей (*yu*) и холодной (*mizu*) воды» [1, С. 71]., тогда как в других странах подобного деления нет.

Роль воды в жизни народа, живущего в условиях высокой влажности очевидна. Многочисленны японские фразеологизмы и пословицы, связанные с водой. Например, «*Hito noyukue to mizu no nagare* ‘Ход жизни и течение воды (то, что нельзя предугадать), *Saigetsu to yuusuui wa hito o matazu* ‘Время (годы и месяцы) и текущая вода не ждут человека. В этих выражениях ощущается и характер японских рек: мелких и быстро текущих» [1, С. 71].

Особое место в японском языке занимает лексика, связанная с морскими промыслами и подводным животным и растительным миром. Названия рыб и морепродуктов очень разнообразны, что совершенно естественно, так как рыбные промыслы в стране из-за природных условий были развиты очень хорошо, Алпатов В.М. ссылается на японского ученого Киндайти, который писал: «...например, английскому 'fish (как и

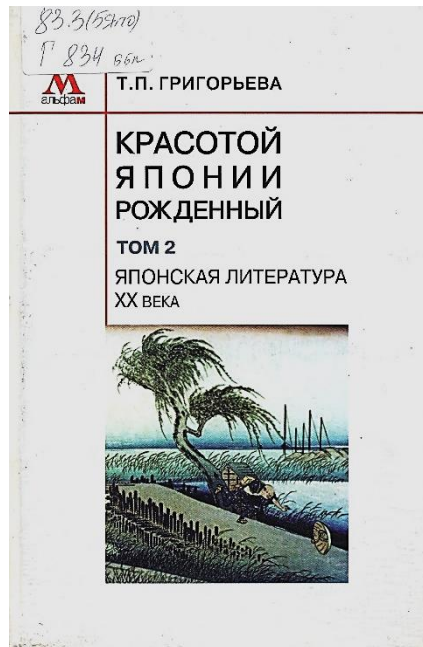
русскому рыба) соответствует семь слов, не полностью совпадающих по значению. Это *sakana* ‘живая рыба или рыба как продукт’, живая рыба’, *gyoogui* ‘рыба как зоологический класс’ (а также название созвездия), *gyooniku* (буквально рыбье мясо) ‘рыба как продукт’, *kaigyo* ‘морская рыба’, *kawazakana* и *kawauo* ‘речная рыба’. Дифференцирована и лексика, связанная с морепродуктами: английскому 'shrimp ‘креветка’ соответствует несколько японских слов со значением разных видов креветок» [1, С. 69]. «Такие языковые особенности лишь косвенно, через быт и хозяйственный уклад, но всё же обусловлены спецификой японской природы. Кочевники алтайцы, переселившись на Японские острова, приспособились к японским природным условиям, где горный рельеф и недостаток пастбищ всегда мешали развитию скотоводства. Разумеется, оно известно в Японии, а воины и там ездили верхом, но в целом всё это не играло там такой роли, как в Европе и тем более в Центральной Азии, поэтому богатая алтайская скотоводческая лексика не прижилась в японском языке» [1, С. 69].

Не стоит забывать и о таком природном явлении, как дождь. Япония недаром считается одной из самых дождливых стран мира. Осадки здесь – обычное дело, даже существует сезон дождей. Хотя в современном мире в основном японцы используют универсальное слово «амэ» – дождь для обозначения осадков, но в зависимости от времени их выпадения, от силы и от других качеств названия всегда будут меняться. Так В.М. Алпатов отмечал, что существует «много видов дождя, а ... образоподражательная лексика особо богата в их обозначении: *rotsupotsu* (о накрапывающем дожде), *shitoshito* (о морозящем дожде), *zaaza* (о проливном дожде) и др.» [1, С. 71].

Таким образом, «в японском языке не могут не отражаться, во-первых, жизнь японцев во влажном субтропическом климате (иной климат на Хоккайдо и на Окинаве, но они явно не входят в общий стандарт), во-вторых, горный рельеф, в-третьих, островное положение страны. Влажный климат Японии и частые

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

изменения погоды требовали развития соответствующей лексики» [1, С. 71], а рельеф и ограниченность равнин затрудняли скотоводство и, как следствие, упор делался на морские промыслы, а слова, связанные с этой отраслью деятельности появлялись быстрее. Исследователи японского языка полагают, что отражение природных условий в японском языке существенно. Недаром японист, доктор филологических наук Т.П. Григорьева в книге «Красотой Японии рожденный»

считала, что «отнять у японцев природу – значит отнять у них язык, изменить образ мышления, форму существования» [2, С. 264].

В данной работе были рассмотрены только отдельные фрагменты того, что может быть названо японской языковой картиной мира. На самом же деле, существует большое число факторов, которые в той или иной мере повлияли на ее формирование. Однако уже на примере этих двух базовых особенностей, японисты доказывают, что японская языковая картина мира,

действительно, уникальна и неповторима. Владимир Михайлович Алпатов отмечает, что «вопрос об особенностях так называемых национальных языковых картин мира <...> не всегда ставится корректно и часто связывается с ненаучными спекуляциями <...>. Тем не менее, нельзя отрицать его важности и актуальности... поскольку пока нет строгого научного метода, позволяющего интерпретировать эти факты. Нет ясности и по вопросу о том, что в каждом случае является определяющим:

когда язык влияет на поведение людей, а когда, наоборот, особенности языка производны от условий жизни» [1, С. 61]. Привлекая внимание исследователей к вопросу о японской языковой картины мира, В.М. Алпатов пишет: «Её изучение пока делает лишь первые шаги, и важно, не отбрасывая интересные факты и наблюдения, уметь критически относиться к тому, что об этих фактах пишут и говорят. При отсутствии строгих научных методов во многом приходится руководствоваться так называемым здравым смыслом» [1, С. 62].

Список литературы:

1. Алпатов, В.М. Япония: язык и культура / В.М. Алпатов. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 208 с.
2. Григорьева, Т.П. Красотой Японии рожденный. В 2 т. : т. 2. Японская литература XX века (традиции и современность) / Т.П. Григорьева. – Москва : Альфа-М, 2005. – 416 с.
3. Драгункин, А.Н. Япония – правда и вымыслы / А.Н. Драгункин, К.А. Котков. – Санкт-Петербург : «Умная планета», 2013. – 496 с.
4. Овчинников, В.В. Ветка сакуры. Корни дуба. Горячий пепел. Сборник / В.В. Овчинников. – Москва : Изд-во Астрель, 2011. – 1087 с.
5. Овчинников, В.В. Два лица Востока: впечатления и размышления от одиннадцати лет работы в Китае и семи лет в Японии / Всеволод Овчинников. – Москва : Издательство АСТ, 2014. – 384 с.
6. Роджер, Дж. Дэвис. Япония. Как её понять : очерки современной японской культуры / Дж. Дэвис Роджер, Осаму Икэно ; пер. с англ. Ю.Е. Бугаева. – Москва : Изд-во Астрель, 2006. – 317 с.
7. Таити Сакаия. Что такое Япония? / Таити Сакаия ; пер. с яп., коммент. В.С. Гривнина. – Москва : Партнер Ко Лтд., 1992. – 334 с.